

DOI 10.5862/JHSS.239.6
УДК 321.7

Ю.Г. Мисников, О.Г. Филатова, А.В. Чугунов

ЭЛЕКТРОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА: НАПРАВЛЕНИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ*

В статье рассмотрены возможные направления и методы исследований, связанных с изучением электронного взаимодействия власти и общества. Следуя логике от общего к частному, авторы выделяют следующие направления исследований в данной сфере: классические модели демократии – электронная демократия – электронное участие – публичный интернет-дискурс. Особое внимание уделено анализу публичных дискуссий в Интернете, поскольку последние рассматриваются как форма электронного политического участия. Используемые авторами подходы к исследованиям публичных интернет-дискуссий могут быть адаптированы и к другим исследованиям дискурса в Интернете вокруг значимых политических событий.

МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ; ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ; ЭЛЕКТРОННОЕ УЧАСТИЕ;
ПУБЛИЧНЫЙ ДИСКУРС; ДЕЛИБЕРАТИВНАЯ ДЕМОКРАТИЯ; ДИСКУРС-АНАЛИЗ.

В мировой практике развитие механизмов электронного участия граждан в жизни государства (E-Participation) уже не новая тема для исследований. В частности, анализ мирового потока научных публикаций по базе Scopus показывает начиная с 2005 года устойчивый рост количества статей в международных научных журналах и индексируемых трудах конференций и позволяет заключить, что развитие механизмов электронного участия – глобальная тенденция. При этом для каждой страны существуют своя история и динамика появления инструментов электронного участия, во многом обусловленные социальной, институциональной и технологической готовностью участников процесса взаимодействия власти и общества [1].

В настоящее время большие возможности для электронного политического участия предоставляют социальные сети, интернет-форумы, краудсорсинговые ресурсы, порталы для сбора подписей и т. д., которые становятся ведущими площадками для дискурсивного обсуждения актуальных общественных проблем. Этот сегмент общественной жизни (а также соответствующий инструментарий) формируется

силами не только и не столько государственных структур, сколько общественными организациями и движениями, а также самими гражданами. Анализ дискуссий, которые проходят на таких интернет-площадках, на наш взгляд, может быть важным вкладом в исследование механизмов и инструментов электронного участия. Ниже будут представлены разработанные нами методики анализа публичных дискуссий в Интернете. Отметим, что феномен «электронного участия», в свою очередь, мы рассматриваем как необходимый компонент концепции «электронной демократии». А рассматривая феномен «электронного участия» как компонент концепции «электронной демократии», необходимо опираться на теоретические постулаты классической концепции демократии и соотносить их с новыми социально-экономическими факторами, влияющими на современный демократический процесс.

Теоретические постулаты концепции демократии и новые модели функционирования демократического процесса

В настоящее время многими исследователями фиксируется кризис концепции демократии как формы правления в интересах народа. При этом под сомнение ставятся сами основы демократии как идеи и демократический процесс

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-03-00715).

как политическая реальность [2, с. 332–343; 3, с. 10–12]. В частности, Роберт Даль сформулировал четыре вызова, которые, по его мнению, угрожают развитию демократии в XXI веке: 1) нарастающее экономическое неравенство; 2) интернационализация и глобальная культурная дивергенция; 3) проблемы гражданского просвещения; 4) обеспечение компетенции граждан при обсуждении и принятии решений по социально значимым вопросам [4, с. 171–179].

Естественно, принципы и механизмы осуществления демократического процесса претерпевали существенные изменения по мере развития и усложнения институциональной картины.

Концентрируя внимание на феномене «электронного участия» как новом механизме обеспечения интерактивного взаимодействия власти и общества, следует подчеркнуть, что определяющую роль играют не технологии, а специфика социально-экономической и политической системы, в рамках которой реализуются проекты электронного участия.

В данном контексте представляет интерес классификация моделей демократии Дэвида Хелда [3], описывающая различия и специфику демократического процесса в разные эпохи и в различных экономико-политических условиях.

Д. Хелд в своей работе рассматривает как классические модели, описывающие различные модификации демократического процесса в истории развития экономических и политических систем, так и новые модели, представляющие интерес с точки зрения современных глобальных трансформаций и развития электронной среды взаимодействия власти и общества. Для нашего анализа представляют интерес четыре из описанных Хелдом моделей (см. таблицу).

Описывая модель «демократическая автономия», Хелд подчеркивает, что ее институциональные черты представлены в экспериментальном порядке, как процесс, который только зарождается и требует более тщательного исследования и описания.

Модели демократического процесса и концепции применения электронных средств в обеспечении взаимодействия между властью и обществом

Модель	Базовые основания модели	Концепция	Период, годы
Легитимная демократия	Основной акцент – верховенство права и приоритет свободного рыночного общества. Конституционное государство (англо-американская политическая традиция) с четким разделением полномочий властей	Новый государственный менеджмент E-Government	1980–1990-е
Демократия участия	Основной акцент – поддержание открытой институциональной системы. Минимизация неподотчетной бюрократической власти в общественной жизни	E-Governance E-Participation Government 2.0	2000-е
Совещательная демократия	Основной акцент – «взаимная аргументированность» политических решений. Развитие программ гражданского образования. Субсидирование совещательных органов и практик, а также соответствующих ассоциаций	E-Democracy E-Participation Open Government	2005–2010-е
Демократическая автономия	Основной акцент – полноценное использование совещательных демократических механизмов и процедур. Центральные и локальные административные службы построены с включением элементов «прямого участия» граждан	E-Participation Government 3.0	2010-е

Примечание. В графе «Период» приведены ориентировочные годы концептуализации различных подходов к описанию процессов применения электронных средств в обеспечении взаимодействия между властью и обществом.

Необходимо отметить, что Д. Хелд предлагает выделить в отдельную модель описание процессов и процедур принятия решений на международном уровне в рамках функционирования межгосударственных институтов (ООН, Евросоюзу и др.), так как процессы глобализации в настоящее время привели к тому, что на жизнь конкретного муниципалитета и локального сообщества начинают непосредственно влиять решения, принятые на уровне комиссий ООН и рабочих групп Евросоюза. Наглядным примером является кризисная ситуация с миграционными процессами, развивающаяся в настоящее время в Еврозоне. Хелд назвал эту модель «космополитической демократией», предполагая, что она формируется и развивается параллельно с моделью «демократическая автономия», которая описывает процессы и процедуры на национальном и местном уровнях.

Итак, подчеркнем, что при исследовании феномена «электронного участия» необходимо опираться на базовые теоретические постулаты концепций более высокого уровня и обозначать место этих социальных технологий в общей модели (совокупности моделей), описывающей функционирование социума в данный период исторического развития [5, 6].

Перейдем непосредственно к разработанным нами методикам анализа интернет-дискуссий. Здесь мы будем опираться прежде всего на теорию коммуникативной этики Ю. Хабермаса, в рамках его более широкой концепции делиберативной демократии, т. е. демократии, основанной на дебатах и диалоге в публичном пространстве современного общества.

Теоретические постулаты концепции делиберативной демократии как методический инструмент изучения интернет-дискурса

Известно, что Юрген Хабермас предложил рассматривать коммуникацию, дискурс не просто как взаимодействие «как минимум двух способных говорить и действовать субъектов, вступающих (с помощью вербальных и невербальных средств) в межличностные отношения» [7, с. 11], но как взаимодействие, происходящее по поводу важных в общественном и политическом плане вопросов. Коммуникативное действие стороны предпринимают, чтобы в идеале достичь согласия по поводу какого-либо значимого для обоих субъектов вопроса (в противовес инструмен-

тальному действию, которое направлено на достижение успеха только одной из сторон). Если согласие невозможно в силу принципиальных различий принятых позиций, ключевым моментом является достижение максимального понимания друг друга. Хабермас подчеркивал, что коммуникация в таком действии ведется именно между субъектами, а не между субъектом и объектом, т. е. стороны обладают равным статусом и возможностями, поэтому ведут уважительный диалог на базе аргументации, и главным критерием, определяющим дискурс, являются условия «публичной, равноправной и непринужденной коммуникации, соблюдаемые в сократическом диалоге» [8, с. 76]. При этом важно не столько узнать мнение всех возможных участников диалога, что практически неосуществимо, сколько создать условия для привлечения тех, кто желает высказать свое мнение

Для нас в теории Хабермаса важно то, что дискурс понимается им как способ обсуждения тех или иных проблем в демократическом обществе на демократических принципах, когда в широкую дискуссию вовлекаются совершенно разные социальные группы. Дискурс всегда опосредован вербально — или живым языком, или, что чаще, текстом, — но обязательно посвящен актуальным общественным или политическим проблемам [9]. Кроме того, тексты или речи участников дискурса вырабатываются с учетом социального «бэкграунда» участников, они контекстуально нагружены. Именно это и делает дискуссию демократическим дискурсом.

Чтобы стать публичным, дискурс должен функционировать в публичной сфере. В одном из своих поздних трудов Ю. Хабермас уточнял, что «наилучшим образом ее можно описать как сеть, где передаются информация и точки зрения (т. е. мнения, выражающие положительные и негативные стереотипы); коммуникационные потоки в процессе фильтруются и синтезируются таким образом, что соединяются в узлы ограниченных определенной тематикой общественных мнений. <...> Публичная сфера воспроизводится посредством коммуникативных действий» [10, с. 360]. В данном определении речь идет прежде всего о сетевом, распределенном характере публичной сферы — она не формируется в каком-то одном месте, все диалоги, дискуссии, мнения, высказанные в разное время, в разных местах и в разных форматах (газетная публикация, запись

в Twitter, публичное выступление), сливаются в один огромный информационный фон, поток, в котором уже происходит «сортировка» мнений по тематике и направленности. Таким образом, публичным дискурсом можно считать дискурс, происходящий в публичной сфере, одним из главных компонентов которой в последние годы стал Интернет [9].

Теория этики дискурса Ю. Хабермаса включает концепцию базовых притязаний (запросов, заявлений) на подтверждение значимости высказываний в разговоре (basic validity claims) и последующее признание (согласие) или непризнание таких притязаний (несогласие) [11, 12]. Такие притязания, используемые участниками в ходе морально ориентированных дискурсов для поиска «правды» и тем самым для лучшего понимания друг друга (не обязательно согласия друг с другом), представляют собой этически наиболее оправданную форму политической организации общества, свободного от принуждения граждан [10, с. 52; 11, с. 233]. Формулирование базовых притязаний на значимость является рефлексивно-диалогичным моментом, когда субъекты дискурса «тематизируют» и «проблематизируют» действительность путем выражения и аргументирования своих намерений в ожидании реакции других с актуализацией (подтверждением) их притязаний. Концепция базовых притязаний является удобным аналитическим и методическим инструментом изучения делиберативности и диалогичности (интерактивности) интернет-дискурса.

Ниже будут представлены две разработанные нами методики исследования публичного дискурса, которые могут быть адаптированы и к другим исследованиям публичного дискурса в Интернете.

Анализ публичного дискурса в социальных сетях на примере дискуссии вокруг конфликта в Донбассе

Первая методика использовалась для анализа обсуждения в российских социальных сетях вооруженного конфликта в Донбассе в январе – марте 2015 года, результаты которого уже довольно подробно были представлены ранее [9]. Сейчас же мы попытаемся описать в основном методику исследования.

Изначально нами была выдвинута гипотеза о наличии в социальных сетях двух разнона-

правленных дискурсов, по-разному характеризующих вооруженный конфликт в Донбассе. Чтобы не уводить исследование в область полноценной критической или когнитивной лингвистики, мы ограничились двумя уровнями анализа дискурса – выявлением ключевых концептуальных метафор обоих предполагаемых дискурсов (положительно и отрицательно характеризующих сепаратистов) и выявлением семантических оппозиций «МЫ – ОНИ», реализуемых в рамках метафор. Таким образом, нами была сформирована методика, которая, на наш взгляд, является оптимальной для дискурс-анализа в политических исследованиях, не связанных напрямую с лингвистикой.

Первым компонентом нашего анализа дискурса стало выявление ключевых концептуальных метафор, формируемых в обоих дискурсах. Как пишут авторы теории концептуальной метафоры, психолингвисты Дж. Лакофф и М. Джонсон, метафора – на уровне осмысления индивидом окружающей его действительности – представляет собой «понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах другого вида» [13, с. 27]. Таким образом, использование концептуальных метафор в дискурсе позволяет переносить на объект номинирования все те негативные или позитивные качества, которые есть у субъекта номинирования, даже не называя их (и в ряде случаев даже избегая прямой номинации). Всё это делает метафору способом формирования акторами дискурса нужного отношения со стороны адресатов к тем или иным проблемам, явлениям, личностям.

На основе данного подхода к анализу текстов можно выяснить, какие существуют метафорические образы конфликта в целом и того же события (в нашем случае – вооруженного конфликта в Донбассе), какие концепты они для этого привлекают и соответственно какие концептуальные метафоры создают.

Вторым этапом нашего дискурс-анализа стал поиск семантических оппозиций «МЫ – ОНИ», которые реализуются в рамках выявленных метафор. Понятие семантической оппозиции в исследованиях дискурса впервые использовал Тён ван Дейк [14, с. 183]. Как показали исследования этого ученого и многих других ученых, наличие противопоставления, в котором МЫ или «свои» всегда правы и являются «хорошими», а ОНИ или «чужие» априорно не-

правы и являются «плохими», — обязательный компонент любого дискурса. Реализуется данная оппозиция на разных уровнях — не только на структурном уровне (так называемом макроуровне) дискурса (что в большей степени характерно для более или менее объемных связных текстов), но и на его микроуровне, посредством использования различных речевых средств. Обязательной приметой данной оппозиции является возвышение «своих» и унижение «чужих» на всех уровнях текста. Таким образом, вторая составная часть нашего анализа дискурсов — выявление и анализ семантических оппозиций «МЫ — ОНИ», которые реализуются в ранее выявленных концептуальных метафорах, раскрывая их. Из-за особенностей эмпирической базы нашего исследования, представляющей собой корпус относительно недлинных текстов в социальных сетях, принадлежащих различным акторам, мы в нашем анализе оппозиций сконцентрировались на выявлении речевых (лексических, стилистических и т. д.) особенностей примеров.

Отметим, что изначально выдвинутая нами гипотеза о наличии в социальных сетях двух разнонаправленных дискурсов, по-разному характеризующих вооруженный конфликт в Донбассе, полностью подтвердилась. Данный вывод подтверждается анализом концептуальных метафор дискурса и анализом реализуемых в данных метафорах семантических оппозиций. Если говорить о схожих чертах данных дискурсов, то можно отметить, что и там, и там большая часть концептуальных метафор строится на базе негативных концептов, которые означают противоположную сторону. Необходимо добавить, что нами была отмечена большая эмоциональность дискуссий, а также разносторонность дискурсов в зависимости от политических взглядов их акторов [9].

Исследование интернет-дискурса в связи с петицией против указа об уничтожении продуктов

Второе представляемое нами исследование призвано продемонстрировать на практике эффективность использования базовых запросов на подтверждение нормативной значимости правоты для выявления и анализа коллективно формирующихся между субъектами позиций по вопросам общественно-политической важ-

ности, а также выявить эпистемологический потенциал притязаний на нормативную правоту (например, для определения общественного мнения, выраженного дискурсивным путем через процессы коммуникации, рассматриваемые как источник опыта, знаний, диалога). Особенность этого подхода в сравнении с предыдущим — в фокусировании на выявлении не столько доминирующих позиций большинства, сколько на выявлении множественности позиций, включая тех, кто в меньшинстве. Мнения последних для демократии являются не менее важными, чем позиции большинства.

Для тестирования такого методологического подхода нами используется интернет-дискуссия, предметом которой стала петиция против Указа Президента РФ от 29.07.2015 г. № 391 «Об отдельных специальных экономических мерах, применяемых в целях обеспечения безопасности Российской Федерации», размещенная на сайте Change.org и вызвавшая многочисленные отклики. Для целей исследования отобраны 350 записей (постов), сделанных участниками дискуссии под обновлением петиции от 6 августа 2015 года — в день, когда указ президента, на основании которого продукты из Европы, попадающие под антисанкционные меры, должны уничтожаться, вступил в законную силу. Наши исследования показывают, что оценка осмысленности дискуссии может быть сделана на сравнительно небольшой выборке (70–100 записей) и отобранного количества постов достаточно для проведения анализа. Исследование стартовало 20 сентября 2015 года.

Кодировка контента осуществлялась по авторской методике, подробно описанной ранее [15–17]. Кодировались следующие параметры: уникальный (трехзначный) идентификатор поста; тематика (сюжеты) притязаний; притязания на значимость, выраженные через согласие и несогласие с другими притязаниями. Претензии нумеровались в порядке размещения записей, причем кодировались как подтвержденные, так и неподтвержденные притязания. Другими словами, в тексте выявляются утверждения, которые могут быть или оспорены, или поддержаны. По нашим данным, примерно половина/две трети постов содержат такие утверждения. Конечно, авторы так их сознательно не формулировали, но посты в любом случае пишутся (не всегда, но очень часто) в надежде на отклик,

на «диалогичность» (Бахтин). Важно, что в результате можно выявить, какие утверждения пользуются поддержкой, а какие – нет.

Данное исследование не является полностью завершенным. Но уже сейчас можно с достаточной уверенностью утверждать, что «базовые притязания на правоту» подтвердили свою эффективность как аналитическое средство для оценки качества делиберативности онлайн-дискуссий и помогли охарактеризовать последние с точки зрения источника общественного мнения. Важность претензий на значимость как инструмента дискурс-анализа состоит в возможности структурирования записей постов таким образом, чтобы не только осуществить смысловой анализ путем выявления базового смысла и намерения текста записи, но и выявить интерактивную глубину межсубъектных солидарностей участников (в терминологии Хабермаса), т. е. состава и размера групп, считающих какие-то важные для них позиции морально верными. Преимущества такой «дискурсивной социологии» состоят в возможности тематической дезагрегации предпочтений до требуемого уровня. Недостатком является нерепрезентативность выборки, которую в случае интернет-дискуссий очень сложно обеспечить.

Еще один важный вывод, представленный и в других наших статьях [15], заключается в том, что с точки зрения дискурсивности сами по себе позиции участников дискуссии не так важны, как их последующая актуализация. То есть важно не столько то, что хотел сказать автор, сколько то, в каком смысле содержание его поста было интерпретировано другими. Смысл записей постоянно уточняется последующими через непрерывный и интерактивный процесс «поверки» одного поста другими. В результате формируется более широкая эпистемологически содержательная основа публичной сферы, ландшафт публичного знания – то, что Хабермас называет «фоновой информацией и знанием». Плюрализм этого фона и доступа к его содержанию со всем разнообразием точек зрения среди разных групп людей важен для формирования демократических основ всего общества.

Многообразие взаимно пересекающихся концепций, связанных с электронным взаимо-

действием власти и общества, требует упорядочения и обозначения направлений их исследования. В качестве промежуточных выводов можно обозначить направление исследований в данной сфере (от общего к частному) следующим образом: классические модели демократии – электронная демократия – электронное участие – публичный интернет-дискурс.

Мы привели примеры междисциплинарных исследований, касающихся изучения публичного дискурса в Интернете. Во многих работах, относящихся к политическим наукам, исследования дискурсивных процессов часто очень поверхностно затрагивают лингвистические параметры, являющиеся первостепенными для исследований дискурсов, ограничиваясь лишь подсчетом количественных показателей, что нередко превращает анализ дискурса в контент-анализ. Также нужно отметить и то, что в российской науке проблема исследования интернет-дискуссий в связи с петициями занимает мало места в научном пространстве. Представленные исследования, не претендуя на всеобъемлющий статус, призваны в какой-то мере восполнить данные пробелы.

Конечная цель наших исследований, которые будут продолжены, заключается в том, чтобы показать, что такие дискуссии могут рассматриваться как форма электронного участия – они диалогичны, достаточно цивилизованны, рациональны (если отбросить неизбежный информационный шум), т. е. дискурсивно делиберативны, а значит, демократичны.

Основная задача лиц, принимающих решения, – научиться исследовать подобные дискуссии и учитывать всю множественность и неоднозначность высказываемых в публичной сфере мнений при разработке системы поддержки принятия государственных решений.

Важное значение в этом контексте, на наш взгляд, имеет исследование мотивов, которые побуждали бы представителей органов власти (в том числе лиц, принимающих решения) инициировать и развивать проекты электронного участия. Разумеется, в этом случае большое значение имеют позиция по данному вопросу высшего руководства страны, нормативная правовая база, государственные программы, а в ряде случаев международные обязательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Bershadskaya L., Chugunov A., Trutnev D.** E-Participation Development: A Comparative Study of the Russian, USA and UK E-Petition Initiatives // ACM International Conference Proceeding Series. ICEGOV 2013 – 7th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance: Proceedings. Seoul; South Korea; 22–25 October. N. Y.: ACM, 2013. P. 73–76.
2. **Мюллер Я.-В.** Споры о демократии. Политические идеи в Европе XX века. М.: Изд-во Ин-та эконом. политики им. Е.Т. Гайдара, 2014.
3. **Хелд Д.** Модели демократии. М.: Дело, 2014.
4. **Даль Р.** О демократии. М.: Аспект Пресс, 2000.
5. **Филатова О.Г., Чугунов А.В.** Электронное взаимодействие между обществом и властью: формирование концепции и практика реализации в России // Управленческое консультирование. 2013. № 8 (56). С. 57–67.
6. **Бершадская Л.А.** Акторно-сетевая модель электронного правительства в Российской Федерации (по результатам экспертного опроса) // Власть. 2013. № 3. С. 40–43.
7. **Хабермас Ю.** Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 1. С. 3–24.
8. **Хабермас Ю.** Вовлечение Другого. Очерки политической теории. М.: Наука, 2001.
9. **Тарнавский А.А., Филатова О.Г.** Анализ публичного дискурса в российских социальных сетях вокруг конфликта в Донбассе // Государство и граждане в электронной среде: теория и технологии исследований: сб. науч. ст. / под ред. А.В. Чугунова. СПб.: Изд-во Ун-та ИТМО, 2015. С. 140–159.
10. **Habermas J.** Between facts and norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge, 1996.
11. **Habermas J.** On the pragmatics of communication. Cambridge, MA: MIT Press, 1998.
12. **Habermas J.** The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society. Cambridge: Polity Press, 1989.
13. **Лакофф Дж., Джонсон М.** Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
14. **Дейк Т.А. ван.** Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013. 254 с.
15. **Мисников Ю.Г.** Pro или Contra? Исследование актуализации политических позиций участниками публичной дискуссии в русскоязычном «Живом журнале» // Политическая наука. 2013. № 1. С. 161–192.
16. **Misnikov Y.** Discursive qualities of public discussion on the Russian Internet: testing the Habermasian communicative action empirically // From e-participation to online deliberation, proceedings of the fourth international conference on online deliberation, OD2010, Leeds, UK, 30 June – 2 July, 2010 / De Cindio F., Macintosh A., Peraboni C. (eds.). – Univ. of Leeds and univ. Degli Studi Di Milano. P. 60–74.
17. **Misnikov Y.** How to read and treat online public discussions among ordinary citizens beyond political mobilisation: Empirical evidence from the Russian-language online forums // Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media. Leeds, 2012. Vol. 7. P. 1–37.

МИСНИКОВ Юрий Георгиевич – доктор философских наук, эксперт, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики.

Россия, 197101, Санкт-Петербург, Кронверкский пр., 49
e-mail: filatovo@gmail.com

ФИЛАТОВА Ольга Георгиевна – кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e-mail: filatovo@gmail.com

ЧУГУНОВ Андрей Владимирович – кандидат политических наук, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики.

Россия, 197101, Санкт-Петербург, Кронверкский пр., 49
e-mail: chugunov@egov-center.ru

Yu.G. Misnikov, O.G. Filatova, A.V. Chugunov

**ELECTRONIC INTERACTION BETWEEN THE AUTHORITIES AND SOCIETY:
AREAS AND METHODS OF RESEARCHES**

The article analyses different lines and methods of researches of electronic interaction between governance and society. Authors deduct four lines of investigation: classic democracy models – electronic democracy – electronic participation – public internet discourse. The last one analyses particularly because of its significance as a form of electronic participation. Authors' approaches could be applied to different researches on Internet discussions about significant social events.

DEMOCRACY MODELS; ELECTRONIC DEMOCRACY; ELECTRONIC PARTICIPATION;
PUBLIC DISCOURSE; DELIBERATIVE DEMOCRACY; DISCOURSE ANALYSIS.

REFERENCES

1. Bershadsкая L., Chugunov A., Trutnev D. E-Participation Development: A Comparative Study of the Russian, USA and UK E-Petition Initiatives. ACM International Conference Proceeding Series. ICEGOV 2013 – 7th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance: Proceedings. Seoul; South Korea; Oct. 22–25. New York, ACM, 2013. Pp. 73–76.
2. Myuller Ya.V. *Spory o demokratii. Politicheskiye idei v Yevrope XX veka* [Contesting Democracy. Political Ideas in Twentieth-Century Europe]. Moscow, Institut Gaydara Publ., 2014. (In Russ.)
3. Kheld D. *Modeli demokratii* [Models of Democracy]. Moscow, Delo Publ., 2014. (In Russ.)
4. Dal R. *O demokratii* [On Democracy]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2000. (In Russ.)
5. Filatova O.G., Chugunov A.V. [Electronic Interaction between Governance and Society: Conceptualization and Russian Practice]. *Management consulting*, 2013, no. 8 (56), pp. 57–67. (In Russ.)
6. Bershadsкая L.A. [Actor-net Model of Electronic Governance in Russian Federation]. *Power*, 2013, no. 3, pp. 40–43. (In Russ.)
7. Khabermas Yu. [World Relation and Rational Aspects of Action in Four Sociological Notions of Action]. *Sociological Review*, 2008, vol. 7, no. 1, pp. 3–24. (In Russ.)
8. Khabermas Yu. *Vovlecheniye Drugogo. Ocherki politicheskoy teorii* [The Inclusion of the Other: Studies on Political Theory]. Moscow, Science Publ., 2001. (In Russ.)
9. Tarnavskiy A.A., Filatova O.G. [Analysis of Public Discourse of Donbass Conflict in Russian Social Network]. *Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoy srede: teoriya i tekhnologii issledovaniy*. St. Petersburg, Univ. ITMO Publ., 2015. Pp. 140–159. (In Russ.)
10. Habermas J. *Between facts and norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge, 1996.
11. Habermas J. *On the pragmatics of communication*. Cambridge, MA, MIT Press, 1998.
12. Habermas J. *The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society*. Cambridge, Polity Press, 1989.
13. Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p. (In Russ.)
14. Deyk T.A. van. *Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of Dominating in Language and Communication]. Moscow, Librocom Publ., 2013. 344 p. (In Russ.)
15. Misnikov Yu.G. [Pro or Contra? The Investigation of Political Positions of Public Discussion Actors Actualization]. *Political science*, 2013, no. 1, pp. 161–192. (In Russ.)
16. Misnikov Y. Discursive qualities of public discussion on the Russian Internet: testing the Habermasian communicative action empirically. From e-participation to online deliberation, proceedings of the fourth international conference on online deliberation, OD2010, Leeds, UK, 30 June – 2 July, 2010 / De Cindio F., Macintosh A., Peraboni C. (eds.). – Univ. of Leeds and univ. Degli Studi Di Milano. P. 60–74.
17. Misnikov Y. How to read and treat online public discussions among ordinary citizens beyond political mobilisation: Empirical evidence from the Russian-language online forums. *Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media*. Leeds, 2012, vol. 7, pp. 1–37.

MISNIKOV Yuriy G. — *St. Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics.*

Kronverkskiy pr., 49, St. Petersburg, 197101, Russia

e-mail: filatovo@gmail.com

FILATOVA Olga G. — *St. Petersburg State University.*

Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia

e-mail: filatovo@gmail.com

CHUGUNOV Andrey V. — *St. Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics.*

Kronverkskiy pr., 49, St. Petersburg, 197101, Russia

e-mail: chugunov@egov-center.ru
